

Научная статья

УДК 398.224(=512)

DOI 10.25587/2782-4861-2025-3-28-37

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩИХ МОТИВОВ СКАЗАНИЙ О МАНАСЕ (АЛЫП-МАНАШЕ, АЛПАМЫСЕ): НА МАТЕРИАЛЕ КЫРГЫЗСКОЙ, КАЗАХСКОЙ И АЛТАЙСКОЙ ВЕРСИЙ

Н. Р. Ойноткинова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

e-mail: sibfolklore@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу мотивов сказаний о Манасе (Алып-Манаше, Алпамысе) на материале кыргызского, казахского и алтайского версий. Цель статьи – выявление и характеристика общих мотивов в трех сказаниях: «Манас», «Алып-Манаш» и «Алпамыс-батыр». В работе применялись сравнительно-сопоставительный, историко-типологический методы исследования эпических текстов с использованием методик контекстуального и сюжетно-мотивного анализа. Новизна данного исследования состоит в выявлении общих мотивов, характерных для анализируемых текстов. Эпическая история о Манасе (Алып-Манаше, Алпамысе), восходящая к событиям эпохи переселения кыргызов в Южную Сибирь, складывалась на протяжении многих веков и дошла до сегодняшнего дня. Эпос обрел множество вариантов или версий во времени, распространяясь среди многих тюркских народов. Во всех трех текстах присутствуют общие мотивы, которые выступают сюжетообразующими, и в то же время в каждом из этих национальных версий имеются свои особенности, связанные с историей, культурой, ментальностью и религиозными воззрениями народов. К общим относятся мотивы: «бездетность пожилых родителей», «рождение богатыря и его коня», «женитьба богатыря», «борьба богатыря с врагами», «заточение богатыря в глубокую яму», «спасение богатыря его верным конем», «освобождение плененного народа» и «возвращение богатыря на родину» (мотив «муж на свадьбе жены и соперника»). В алтайском и кыргызском сказаниях речь идет о взрослении и жизни Манаса на Алтае, что свидетельствует о месте зарождения эпоса о богатыре Манас (Алып-Манаш, Алпамыс).

Ключевые слова: героический эпос; сказитель; сюжет; мотив; историко-типологический метод; алтайцы; казахи; кыргызы; национальный герой

Для цитирования: Ойноткинова Н. Р. К вопросу изучения общих мотивов сказаний о Манасе (Алып-Манаше, Алпамысе): на материале кыргызской, казахской и алтайской версий. *Эпосоведение*. 2025;3(39):28–37. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-28-37>.

Original article

On the issue of studying the common motifs of the epics about Manas (Alyp-Manash, Alpamys): the case of the Kyrgyz, Kazakh and Altai versions

Nadezhda R. Oinotkinova

Institute of Philology of Siberian Branch of RAS, Novosibirsk, Russia

e-mail: sibfolklore@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the motifs of the legends about Manas (Alyp-Manash, Alpamys) based on the material of the Kyrgyz, Kazakh and Altai versions. The purpose of the article is to identify common motifs in three legends: “Manas”, “Alyp-Manash” and “Alpamys-batyr”. The work uses comparative-

contrastive, historical-typological methods of studying epic texts using contextual and plot-motif analysis techniques. The novelty of this study lies in identifying common motifs characteristic of the analyzed texts. The epic story of Manas (Alyp-Manash, Alpamys), dating back to the events of the era of the migration of the Kyrgyz to Southern Siberia, evolved over many centuries and has survived to this day. The epic has acquired many variants or versions over time, sounding among many Turkic peoples. All three texts have common motifs that act as plot-forming ones, and at the same time, each of these national versions has its own characteristics associated with the history, culture, mentality and religious views of the peoples. The common motifs include: “childlessness of elderly parents”, “birth of a hero and his horse”, “marriage of a hero”, “fight with enemies”, “imprisonment of a hero in a deep pit”, “rescue of a hero by a faithful horse-assistant”, “betrayal of a friend who planned to seize property and marry a friend’s wife”, “rescue of a hero from a pit”, “return of a hero home”, “recognition of a husband at the wedding of his wife and rival”. The Altai and Kyrgyz legends talk about the growing up and life of Manas in Altai, which indicates the place of origin of the epic about the hero Manas (Alyp-Manash, Alpamys).

Keywords: heroic epic; storyteller; plot; motif; historical-typological method; Altaians; Kazakhs; Kyrgyz; national hero

For citation: Oinotkina, N. R. On the issue of studying the common motifs of the epics about Manas (Alyp-Manash, Alpamys): the case of the Kyrgyz, Kazakh and Altai versions. *Eposovedenie*. 2025. 3(39):28–37 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-28-37>.

Введение

Героические сказания о Манасе (алт. Алып-Манаш, каз. Алпамыс, кырг. Манас) относятся к общему духовному наследию тюркских народов, которые имели в древности тесные историко-культурные контакты. Эпического героя воспевают многие тюркские народы: алтайцы, башкиры, казахи, кыргызы, ногайцы, татары, узбеки и др. Данная статья посвящена сравнительному анализу общих мотивов трех сказаний: «Алып-Манаш» [1], «Алпамыс-батыр» [2] и «Манас» [3]. Сказители, исполнявшие эти произведения, Н. Улагашев (1861–1946 гг.), М. Сандыбайулы (1824–1902), С. Аккожаев (1876–1965) и С. Орозбаков (1867–1930) жили в одно и то же время, но относятся к разным эпическим традициям и этносам.

Алтайское сказание «Алып-Манаш» Н. У. Улагашева состоит из 1821 строки, в нем отражены наиболее важные моменты из жизни богатыря Манаша на Алтае. Казахский эпос «Алпамыс-батыр» содержит 4974 строки. Кыргызский героический эпос имеет три части: «Манас», «Семетей», «Сейтек». От С. Орозбакова исследователи записали в 1920-е гг. только часть, собственно, о Манасе (около 19 тыс. строк); от С. Каралаева (1894–1971) была записана вся трилогия (937 тыс. строк).

Теоретические предпосылки и методология исследования

В мировой науке сложилось целое направление по изучению национальных версий эпоса о богатыре «Алып-Манаше» (Манасе, Алпамысе, Алпамыше) и его версий и вариантов; филологами достигнуты значительные результаты по изучению разных вопросов, касающихся генезиса, сюжетостроения, языка и поэтики. В современной фольклористике вопросы сохранности и трансформации сюжетов и мотивов эпосов тюркских народов в сравнительно-сопоставительном аспекте остаются малоизученными, в связи с этим постановка данной научной проблемы определяет актуальность данного исследования. Новизна нашего исследования заключается в сравнительно-сопоставительном изучении мотивов сюжетов трех сказаний, принадлежащих алтайцам, казахам и кыргызам.

Методологической основой данного исследования послужили принципы *сравнительно-исторического* и *историко-типологического* исследования фольклора, а также методики *контекстуального* и *сюжетно-мотивного* анализа. *Историко-типологический метод* позволяет выявить различные исторически сменяющие друг друга формы того или иного жанра, а также в пределах одной этнокультурной традиции или жанровых форм, существующих на одном синхронном срезе в разных этнических традициях [4, с. 16–30].

В истории изучения сказаний о Манасе (Алып-Манаше, Алпамысе) существуют разные точки зрения, некоторые из них противоречивые. Вопросы сюжетостроения, поэтики и мифологических мотивов в эпосе «Манас» в контексте сказительского мастерства сказителя рассмотрены в научных трудах И. Б. Молдобаева [5], Р. З. Кыдырбаевой [6], Ж. К. Орозобековой [7], Т. А. Бакчиева [8; 9] и др. В казахской фольклористике эпос «Алпамыс» исследовали ученые: К. Жумалиев [10], А. Х. Маргулан [11], Н. С. Смирнова [12], Т. О. Сыдыкова [13], Р. Бердибай [14], М. Эргюн [15] (М. Ergun) и др. Вопросы сюжетостроения и историзма алтайского эпоса «Алып-Манаш» изучены В. М. Жирмунским [16], С. С. Суразаковым [17] и др. Систематизация сюжетов и мотивов эпосов тюркских народов и их сравнительно-сопоставительное изучение в контексте разных традиций позволят выяснить их генезис, степень сохранности и трансформации.

Е. М. Мелетинский отмечал, что эпическое время в «Манасе» не мифическое (в отличие от многих эпических сказаний тюркских народов Сибири), а историческое [18, с. 369]. Но в этом плане алтайский текст «Алып-Манаш» отдален от жанровых канонов эпоса и из-за отсутствия конкретных событий близок к богатырской сказке. Обнаружить какие-либо конкретные исторические сведения в героическом эпосе весьма сложно, поскольку многие события вымышлены и уходят в абстрактное время и пространство.

В. М. Жирмунский рассматривал историю эпоса об Алпамыше, а также эпоса о Манасе путем сопоставления сказаний тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии. Исследователь пришел к выводу, что «древнейший, доисторический, восходит к архаическому типу богатырской сказки со значительным преобладанием сказочно-мифологической фантастики и не может быть прикреплен к определенным датам, в широких рамках он относится к VI–XIV вв.» [16, с. 90]. Второй слой, исторический, «по преимуществу связанный с реальным историческим фоном калмыцких войн, датируется XV–XVII вв.». ... Последний, наиболее поздний слой, с XVII по XIX в., определил собой мусульманизацию эпоса: тему «священной войны» против «неверных, превращение Манаса в великого завоевателя...» [16, с. 90–91]. Формирование алтайской версии эпоса «Алып-Манаш» ученый отнес к периоду, предшествовавшему монгольскому завоеванию и передвижению огузов и кыпчаков на запад и юго-запад (до XI–XII вв.) [19, с. 217–218].

С. С. Суразаков, отмечая архаичность алтайского эпоса «Алып-Манаш» считал, что «создателем первоначальной основы «Алпамыша» – «Алпамыса» были кыпчаки, поскольку этот эпос распространен больше у тех народов, в этногенезе которых были кыпчаки принимали участие», «достоверно только то, что этот эпос сложился не к востоку от Алтая, а где-то в западной части Алтая или к западу от него» [17, с. 7]. С распадом кыпчакского союза сказание об Алып-Манаше (Алпамыше, Алпамысе) стало духовным достоянием многих тюркских народов, появляются различные национальные версии сказания со своими особенностями, связанными с их историей, культурой, ментальностью, религией, а также с их географическим проживанием.

Другие учёные предполагают, в частности, Ф. И. Урманче, что эти сказания преимущественно повествуют о событиях XV–XVI вв. [20]. Ойратско-киргизские взаимодействия, пребывание кыргызов на Алтае, воссоединение алтайских и тяньшанских кыргызов, и столкновения со среднеазиатскими владетелями перекликаются с сюжетной линией эпоса. Соглашаясь с мнениями исследователей, отметим, что широта распространения сказания среди многих тюркских народов действительно свидетельствует о его многовековом историзме. В результате устной передачи эпоса в течение многих веков он претерпел серьезные трансформации не только в плане композиции, но и сюжетов и мотивов. В устной исторической памяти народа, как правило, остаются события недавнего прошлого, происходившие в последние 5–6 вв.

Эпос как крупный повествовательный жанр сохранил в себе архаичную мифологию, при этом вобрав в себя новые элементы, и этот факт подтверждается исследованиями многих ученых, например, Р. З. Кыдырбаевой [6], Н. Нарынбаевой [21], Т. А. Бакчиева [22], А. Дабыта [23]. Р. З. Кыдырбаева, рассматривая эпическую картину мира в сказании «Манас», его мифо-

логию и поэтику, сравнивая некоторые моменты с алтайским сказанием «Алып-Манащ», отмечает многослойность в сюжетостроении эпоса «Манас» и считает, что традиционный текст его, дошедший до наших дней, претерпел в процессе бытования немало изменений» [6, с. 17]. Выделяя общие признаки в сказаниях «Манас» и «Алып-Манащ», наблюдающиеся в поэтике и эпических картинах мира кыргызов и алтайцев, выделяет также целый ряд однотипных схождений, составляющих связующие звенья между эпизодами сюжетов [6, с. 72]. При этом считает, что «киргизский эпос «Манас» своими ранними архаическими пластами восходит к центральноазиатскому эпическому региону... в процессе изжития мифологического мировоззрения, рудименты которого из форм господствующей идеологии в прошлом превратились в художественный арсенал, выполняя функцию – функцию поэтическую, начал оформляться эпос историко-героический» [6, с. 95].

К разгадке генезиса героического эпоса можно подойти и с точки зрения лингвистики, путем анализа и определения сущности многочисленных этнонимов, топонимов и антропонимов. Так, Т. А. Кыныратбай приводит к этому утверждению сходства, обнаруживающиеся в антропонимах Алпамыс, Баршын, Кылтап (Култан), Карлыгаш (Сандугаш) [24, с. 22]. Действительно, совпадение имен в алтайском эпосе (имя отца Алып-Манаша – Байбарак, в казахском эпосе – Байбори, в кыргызском эпосе имя одного из братьев Джакыпа, отца Манаса, – Бай) также свидетельствует о достоверности истории об этом герое.

Несмотря на существующие расхождения в повествовании сюжеты разных национальных версий содержат общие совпадающие мотивы. Выявление общих и частных (национальных) мотивов сказаний, позволит по-новому взглянуть на проблему трансформации сюжета эпоса в традициях разных тюркских народов.

Общие мотивы в алтайском, казахском и киргизском сказаниях

Мотив понимается как семантическая, смысловая единица сюжета, повторяющаяся из текста в текст. А. Н. Веселовский, различая сюжет и мотив по признакам «сложный – простой», выделял: «*Сюжеты* – это сложные схемы, в образности которых *обобщались* известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности» [25, с. 302]. Мотивы – тоже схемы, но одночленные. Под *мотивом* ученый понимал «простейшую повествовательную *единицу*, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [25, с. 305]. Таковы не разлагаемые далее (без разрушения образности) схемы простейших мифов и сказок: кто-то похищает солнце (затмение), злая старуха изводит красавицу и т. д. [25, с. 11].

Мотив бездетности пожилых родителей характерен для всех версий сказания о Манасе. Мотив о бездетных родителях тесно связан с мотивом чудесного рождения сына / богатыря. Скот и имущество бездетного хана без наследников становятся легкой добычей врага. В момент угона скота рождается богатырь, который быстро растёт, обладает великой силой и имеет волшебные предметы.

В кыргызском эпосе «Манас» повествование начинается с родословной главного героя и мотива бездетности героя [3, с. 216]. В сюжете подробно рассказывается о том, как кыргызский народ под натиском врагов (кара кытаев) был вынужден под предводительством Джакыпа переселиться на Алтай. После смерти хана Ногоя старые враги кыргызов, воспользовавшись нерешительностью его преемников, захватывают их земли и вытесняют их из Ала-Тоо. Младший сын Ногоя Джакып изгнан с родной земли.

Эпических кытаев связывают с киданями (хытаями, кара-киданами, кара китаями) – племенами монголо-тунгусского происхождения, которые овладели Северным Китаем и основали обширную империю. В середине XVIII в. кыргызские племена попали под их влияние и вели освободительную войну [3, с. 533].

В казахском эпосе повествование действия связаны с определенным местом – события происходят в *Жидели-Байсын*. Отец будущего богатыря, Байбори, и его жена Аналык, жалуются

на бездетность [2, с. 136]. В алтайском сказании «Алып-Манааш» мотив рождения богатыря отсутствует: он предстает перед читателями уже десятилетним мальчиком. Данный факт позволяет предположить о том, что Манас родился до переселения кыргызов на Алтай, в истории датируемого XV–XVI вв.

Мотив рождения богатыря и его коня. В алтайском сказании у состарившегося богатыря Байбарака и Эрмен-Чечен есть сын Алып-Манааш и дочь Эрке-Коо [1, с. 70–71], т. е. с самого начала повествования речь идет о жизни и взрослении будущего богатыря на Алтае.

Мотив чудесного зачатия сына после необычного сновидения прослеживается в кыргызском и казахском сказаниях. Так, в эпосе «Манас» старшая жена Джакыпа зачала ребёнка, спустя девять месяцев она родила мальчика, «полную горсть крови зажавшего в руке» [3, с. 46, 250]. В этот же день в табуне Джакыпа рождается на свет жеребёнок, которого он предназначает своему новорождённому сыну [3, с. 262–270].

В казахском эпосе у пожилых родителей Байбори и Аналык по предсказанию святых рождается сын по имени Алпамыс. Однажды они, увидев хаджей, идущих от мазара, раздают им свое золото и серебро для того, чтобы они помолились за них: «Старики семь дней провели, / Не вставая с черствой земли, / Жалобно вопя и молясь...» [2, с. 140]. Мотив о чудесном рождении героя предваряет мотив необычного видения, который был у Байбори после совершения намаза: к нему приходит на сером осле святой и извещает его о том, что у него родится сын и пусть его назовут Алпамысом, а его сестру – Карлыгаш. В десять лет он находит себе чудесного чубарого конька с двумя незримыми крыльями. Конь по кличке Байчубар с двумя незримыми крыльями сам приходит к своему хозяину, его чудесная способность позволяет ему преодолеть двенадцатидневный путь за один день [2, с. 143, 149].

Мотив женитьбы богатыря присутствует во всех трех сказаниях. В алтайском сказании «Алып-Манааш» отмечается, что батыру по судьбе предназначена дочь Кыргыс-хана – красавица Кюмюжек-Ару (букв. Жемчужная-Чистая) [1, с. 70–71]. Живя с ней Алып-Манааш, мечтает жениться на дочери мифического Ак-хана (в «Манасе» уйгурский хан), живущего далеко, «на слиянии неба и земли», «[Он] шестьдесят ханов он подчинил, / Семьдесят ханов победил» [1, с. 73, 75]. Алып-Манааш сам отправляется за его дочерью – Эрке-Каракчы (букв. Ласковые Глаза). В сюжете скрыт мотив борьбы с набегами ханов-захватчиков, поскольку в тексте говорится, что для встречи с Алып-Манашем Ак-хан собрал свое войско.

Сватовство Манаса к Каныкей развивается по типу эпических сказаний о сватовстве. Каныкей (Санырабиге) была дочерью Темир-хана (или Ша-Темира) из Бухары. Во время военных походов Манас повторно женится на дочерях побежденных ханов. Когда Манас, вступив в неравную битву с уйгурами, одержал победу, один из их правителей отдаёт ему свою дочь Карабёрк, которая сама выражает желание стать его женой.

В казахском эпосе Алпамысу по судьбе предназначена дочь Сарыбая из казахского рода Шекты – Гульбарчин. Он вступает в сражение с калмыцким ханом Караманом, который претендует на руку красавицы Гульбарчин. Победив его в честном бою, Алпамыс женится на своей суженой [2, с. 161–162], хотя в тексте также отмечается, что герой также был очарован своей калмыцкой спасительницей Каракёз.

Мотив борьбы богатыря с врагами. Угон и возвращение скота, захват в рабство людей были обычными явлениями в средневековье. Кульминационными моментами в анализируемых сказаниях является столкновение двух противоборствующих сторон. В этих текстах народные сказители по-разному трактуют события. Алтайский сказитель рассказывает о том, как Алып-Манааш сражался с мифическим противником – Ак-кааном, а Манас – с каракытаями, уйгурами, Алпамыс – с калмыками.

В эпосе «Манас» живущие на Алтае калмыки (имеются в виду западные монгольские племена – ойраты) спешат сообщить своему хану Эсену о том, что на Алтае появился свой правитель, богатырь Манас. Враги задумывают, пока он ещё не возмужал, следует захватить

в плен и уничтожить. Эсен-хан отправляет в стан Манаса своих лазутчиков, переодетых в торговцев, и даёт задание пленить батыра. Враги застают юного богатыря во время игры в «ордо». Манас вместе со своими сверстниками захватывает лазутчиков, всё добро каравана раздаёт простому люду.

Прототипами реальных личностей, чьи имена встречаются в эпосе – Алооке, Джолой, Эсен-хан – зафиксированы в летописях, «Эсен-хан (по калмыцки Эсен-тайджи) предводительствовал джунгарским (калмыцким) войском в XV в. Аляку возглавлял джунгарское нашествие в XVII в., а Елюй <...> был предводителем киданьских (кара-китайских) войск – племен монгольского происхождения, двигавшихся с Северного Китая и разгромивших сначала киргизское государство в конце X в., а затем, завоевавших всю Центральную и Среднюю Азию от Енисея до Таласа в XII в.» [26, с. 44].

Мотив «заточение богатыря в глубокую яму и спасение его верным конем». В алтайском и казахском сказаниях мотив вызволения богатыря из ямы реализуется на основе сказочно-мифологических образов, в «Манасе» же он отсутствует. Мифические духи, связанные с нижним миром, в эпосе часто являются помощниками отрицательных персонажей, живущих не по человеческим принципам.

Помощником хана Тайшика является старуха Мыстан (ср. алт. Алмыс – мифическое существо, демон) со своими «слугами». Она пытается навредить Алпамысу, советует, чтобы он убил своего верного чубарого коня, а враги тем временем пытаются его опаивать, чтобы схватить его и бросить его в глубокую яму. Он пробыл в ней семь лет, питаясь тем, что кошка подкинет, а спастись ему помогает пастух. Из ямы богатыря вытаскивает его верный конь Байчубар и влюбленная в него дочь хана – Каракёз [2, с. 168–173]. После тридцатидневного пира, сорокадневного веселья батыр возвращается домой и узнает о том, что в его отсутствие калмыцкий хан Тайшик угнал все табуны старого Байбори. Собрав свое войско, Алпамыс направляется к хану Тайшику, чтобы вернуть угнанный скот, свой табун.

По указу Ак-хана Алып-Манаш на девятый день был пойман и брошен в девяностосаженную яму. Там он проспал девять месяцев. Проснувшись, он грустно распекает песню и пытается выбраться из ямы. В это время над ним пролетает стая гусей, услышав Алып-Манаша, спускается на землю. Герой на крыле гуся пишет сообщение родным, что он жив и вызволили из ямы. В концовке сюжета богатырский конь Алып-Манаша исцеляет своего хозяина золотой пеной. От этого исцелившись, став в шесть раз сильнее, богатырь вызывает Ак-каана на смертный бой. Уничтожив его войско и его самого, отсекает своей стальной саблей все семь голов людоеда Дьелбегена, а также жену хана и его дочь Эрке-Каракчы, виновную в смерти славных богатырей [1, с. 130–131].

Отметим, что в казахском и кыргызском сказаниях прослеживается влияние мифологии, связанной с иранской и мусульманской традициями, что подтверждается религиозной лексикой, встречающейся в текстах. В кыргызском эпосе наблюдаются архаические элементы, типа *аджыдар* от *аждахо* ‘дракон’, *дөө* ‘див, великан’, иранского происхождения, но в то же время элементы исламской мифологии и религии (*Кызыр*, *Кыдыр* (араб. *хызыр* ‘зеленый’) – один из добрых духов-покровителей человека, выполняющих роль посланника Аллаха [22, с. 96].

В алтайском эпосе «Алып-манаш» помощником отрицательного персонажа – Ак-хана, врага Алып-Манаша, является семиголовое чудовище Дьелбеген (Желбеген), отправляющееся в поход на своем сивом быке. Сам Эрлик, властитель подземного мира, и его «богатыри» в шаманистской мифологии ездят верхом на черных быках. Данный мотив, хорошо прослеживаемый в сказочно-героическом эпосе тюркоязычных народов Сибири, можно сопоставить мотиву езды вражеских богатырей верхом на быках в эпосе «Манасе».

Представляется, что образ чудовища Дьелбегена в алтайском эпосе имеет архаичные корни, уходящие в древнюю авестийскую мифологию, и связан с многоголовым змеем Аждаха. Архаичный змеборческий мотив в алтайской версии сказания о богатыре Алып-Манаше

придает ему сказочно-мифологический колорит. Возможно, благодаря мифологическим эпизодам сюжета борьбы героя со змеем (семиголовым чудовищем), а также с различными демоническими существами, в этих сказаниях сформировались особенные мифопоэтические картины мира.

Мотивы «освобождение плененного народа» и «возвращение богатыря на родину» (мотив «муж на свадьбе жены и соперника»). Тема возвращения богатыря на родину вносит в сюжеты сказаний важный концептуальный смысл о предназначении человека и реализации его судьбы на родной земле. Данный мотив устойчиво сохраняется во всех трех сказаниях.

В «Манасе» джунгарский хан Алооке потребовал, чтобы пришельцы из Алтая немедленно покинули его земли, а их хан покорно предстал и служил ему. Манас, с войском выступив против Алооке, побеждает его. Смерть Манаса завершает эпопею, он был ранен во время похода на Бейджин. Дружина Манаса погибает при их отступлении. Сам Манас, оплакав своих воинов, по возвращении на свою родину умирает на руках Каныкей. Перед смертью он просит жену, чтобы та вернулась в родной дом в Букару и уберегла сына.

В алтайском сказании Алып-Манаш, победив свирепого Ак-хана (в сказании «Манас» – хана Нескару), освобождает невольный народ и возвращается на родину [1, с. 141].

По мнению В. М. Жирмунского, в записях В. В. Радлова первоначально это сказание повествовало о смерти и воскрешении героя, убитого его врагами. «У Оразбакова ранение и исцеление Манаса представляет позднейшее ослабление чудесного мотива его воскрешения... Мы имеем здесь древний сказочный мотив, широко распространенный в тюркском и монгольском эпосе на его более архаичных ступенях (алтайские эпические сказания «Алтай-Буучай», Кегутэй, бурятский «Аламжи-мерген») [19, с. 44].

Вслед за В. М. Жирмунским мы предполагаем, что эпизод о возвращении мужа в алтайской версии Н. У. Улагашева значительно короче эпизода пленения и освобождения героя, и поэтому, возможно, здесь эпос исполнялся с пропуском ряда эпизодов, и мы имеем дело с укороченным вариантом» [19, с. 216].

Мотив «муж на свадьбе жены и соперника» в алтайском и казахском сказаниях по сути совпадают. Узнав о беде, родители Алып-Манаша, отправляют на его поиски его друга – Ак-Кёбёна. Друг замышляет зло: не спешит его спасать, возвращается домой, чтобы взять в жены супругу Алып-Манаша. По пути домой с похода Алып-Манаш встречает старика-лодочника, от которого он узнает о предстоящей свадьбе друга Ак-Кёбёна и его жены Кюмюжек-Ару. Алып-Манаш, переодевшись в шута (*тастаркай*), приходит на свадьбу жены и неверного друга. Он обращается песней к своей жене, чем вызывает гнев у предавшего его друга. Жена узнает своего мужа по его голосу. Ак-Кёбён, узнав своего друга, обернувшись в журавля, улетает, но Алып-Манаш пускает в него стрелу.

В казахском эпосе Алпамыс-батыр, вернувшись на родную землю, победив своих врагов, видит, что хан Ултан собирается жениться на его жене Гульбарчин. Героя, переодевшегося в странника (дервиша), узнают только его табунщик Тортай и родственники. Враги батыра, названный брат Ултан и его беки, не смогли узнать героя. Герой, исполнив дерзкую песню, высмеивает Ултана, вознесшего себя на место Байбори [2, с. 234–235].

Заключение

Сравнительный анализ трех сказаний, алтайского «Алып-Манаш», казахского эпоса «Алпамыс-батыр» и кыргызского «Манас» показал наличие общих мотивов. Некогда один эпос, распространившись во времени среди тюркских народов, обрел множество вариантов или версий. Каждый национальный эпос развивался самостоятельно в своей культурно-исторической среде, что особенно явно прослеживается в конкретных реалиях: историческом ландшафте, социальном устройстве тюркских народов. Во всех трех сказаниях содержится историческая основа: отражена борьба с иноземными захватчиками, междоусобные войны с соседними ханствами и народами. Несмотря на это, что исторические события и контакты народов, отраженные в этих

произведениях, имеют разную степень реализма, эти сказания повествуют историю о богатыре Манасе (Алып-Манаше, Алпамысе). Алтайский и кыргызский сказания в большей степени повествуют об эпохе переселения кыргызов на Алтай и их борьбе с иноземными захватчиками, тогда как казахский – больше сосредоточен на локальных событиях и междоусобицах.

В основе сюжетов этих сказаний лежат средневековые войны, события, сохранившиеся с исторической памяти народов. В каждом из этих национальных версий сказания имеются свои специфические особенности, связанные с историей, мифологией и религиозными воззрениями, географическими особенностями проживания отдельно взятого народа. Национальная специфика в этих произведениях наиболее ясно проявилась в мифологиях, связанных с религиозными воззрениями. Во всех трех сказаниях имена главных героев и исторических личностей совпадают с их реальными прототипами. Вымышленные имена обрели лишь второстепенные герои. Сюжетно-мотивный анализ алтайской, казахской и кыргызской версий сказания о Манасе (Алып-Манаш, Алпамыс) показал наличие общих мотивов, благодаря которым сохраняется стержень сюжета эпоса: «бездетность пожилых родителей», «рождение богатыря и его коня», «женитьба богатыря», «борьба богатыря с врагами», «заточение богатыря в глубокую яму», «спасение богатыря его верным конем», «освобождение плененного народа» и «возвращение богатыря на родину» (мотив «муж на свадьбе жены и соперника»).

Литература

1. Казагачева З.С., Конунов А.А., Шутина Т.К., Яданова К.В. (ред.) *Алтайские богатыри: Алтайский героический эпос (Алтай баатырлар: Алтай кай чӧрчӧктӧр)*. Том 2. Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип.; 2016:800 (на алтайском и рус. яз.).
2. Матыжанов К., Өкімова Т., Оралбек А., Рақыш Ж. (ред.) *Алпамыс батыр*. Алматы: «Үш Қиян»; 2024:380 (на казахском и рус. яз.).
3. Юнусалиев Б.М. (ред.) *Манас: киргизский героический эпос*. В 4 кн. Кн. 1. Москва: Наука; 1984:544 (Серия «Эпос народов СССР»).
4. Путилов Б.Н. *Методология сравнительно-исторического изучения фольклора*. Ленинград: Наука; 1976:244.
5. Молдобаев И.Б. *«Манас» – историко-культурный памятник кыргызов*. Бишкек: Кыргызстан; 1995:312.
6. Кыдырбаева Р.З. *Эпос «Манас»: Генезис. Поэтика. Сказительство*. Бишкек: Ша; 1996:408.
7. Орозбекова Ж.К. *Айтуучулук епердуп тарыхый есуу-епугуу жолу*. Бишкек: КУИА, 2003:208 (на кыргызском яз.).
8. Бакчиев Т.А. *Новые грани эпоса «Манас»* Бишкек: Алтын тамга; 2021:179.
9. Бакчиев Т.А. Теоретический подход к исследованию сказительского искусства манасчи. *Вестник северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова: серия Эпосоведение*. 2017;1(5): 5–19.
10. Жумалиев К. *Алп манасчылар*. Бишкек: Бишкек гуманитардык университети; 2003:186 (на кыргызском яз.).
11. Маргулан А.Х. О характере и исторической обусловленности казахского эпоса. *Известия Казахского филиала АН СССР. Серия историческая*. 1946;(2):75–81.
12. Смирнова Н.С. О казахских версиях «Алпамыса». В кн.: Сильченко М.С. (ред.) *Алпамыс батыр*. Алма-Ата: АН КазССР; 1961:429–487.
13. Садыков Б.Д. Функции фольклорных жанров в художественном составе эпоса «Манас» (кошок, керээз, арман, алкыш, каргыш – причитания, завешания, сожаления, благопожелания, проклятия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата: 1992:25.
14. Бердибай Р. Эпос «Алпамыс батыр» и его связь с этнической историей казахского народа. *Вестник Министерства образования и науки НАН РК*. 2000;(1):37–41.
15. Ergun M. *Altay Türklerinin Kahramanlık Destanı Alıp Manaş*. Konya: Günay Ofset; 1997:160 (на турецком яз.).
16. Жирмунский В.М. *Сказание об Алпамыше и богатырская сказка*. Москва: Восточная литература; 1960:335.

17. Суразаков С.С. *Из глубины веков. Сборник статей о героическом эпосе алтайцев*. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, Горн.-Алт. отд-ние; 1982:144.
18. Мелетинский Е.М. *Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники*. Москва: Восточная литература; 1963:462.
19. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Избранные труды. Ленинград: Наука; 1974:727.
20. Урманче Ф.И. *Тюркский героический эпос*. Казань: ИЯЛИ; 2015:448.
21. Бакчиев Т.А. Роль мифических героев в формировании и развитии эпического героя (на примере эпоса «Манас»). Бичелдей К.А. (ред.) *Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность*: Материалы VI-й Международной научно-практической конференции (Астана, Казахстан, 14–16 июня 2017 г.). Астана: Изд-во ТОО «Мастер По»; 2017:95–99.
22. Нарынбаева Н.О. Мифические покровители в эпосе «Манас». *Наука и образование сегодня*. 2016;8(9):21–24.
23. Дабыт А. Функция мифологических элементов в эпосе «Манас» – по варианту сказания Жусупа Мамаея. *Наука, образование и культура*. 2019; 5(39):30–34.
24. Конаратбай Т.А. Этнический характер казахского героического эпоса «Алпамыс». Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2021;1(21):14–29. <https://doi.org/10.25587/w4013-1717-6780-j>
25. Веселовский А.Н. *Историческая поэтика*. Москва: Высшая школа; 1989:405.
26. Бакиров А.А. Исторические этапы развития эпоса «Манас». Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2019;2(14):31–47. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2019.14.32178>

References

1. Kazagacheva ZS., Konunov AA., Shutina TK, Yadanova KV. (eds.) *Altai heroes: Altai heroic epic. Vol. 2*. Gorno-Altai: Gorno-Alt. Publ. House; 2016:800 (in Altai and Russian).
2. Matyzhanov K, Akimova T, Oralbek A, Rakysh Zh. (eds.) *Alpamys batyr*. Almaty: Ush Kiyan Publ.; 2024:380 (in Khazakh and Russian).
3. Yunusaliyev BM. (eds.) *Manas: Kyrgyz heroic epic*. Mirbadaleva AS, Kidaysh-Pokrovskaya NV. (trans.). In 4 books. Book 4. Moscow: Nauka Publ; 1984:544 (in Russian). (Series “Epic of the Peoples of the USSR”)
4. Putilov BN. *Methodology of comparative-historical study of folklore*. Leningrad, Nauka Publ.; 1976:244 (in Russian).
5. Moldobaev IB. “Manas” is a historical and cultural monument of the Kyrgyz. Bishkek: Kyrgyzstan Publ.; 1995:312 (in Russian).
6. Kydyrbaeva RZ. *Epic “Manas”: Genesis. Poetics. Storytelling*. Bishkek: Sham Publ.; 1996:408 (in Russian).
7. Orozbekova ZhK. *The historical development of storytelling*. Bishkek: KUIA Publ.; 2003:208 (in Kyrgyz).
8. Bakchiev T. A. *New facets of the epic “Manas”*. Bishkek: Altyn Tamga Publ.; 2021:17 (in Russian).
9. Bakchiev T. A. A theoretical approach to the study of the storytelling art of manaschi. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Eposovedenie*. 2017;1(5):5–19 (in Russian).
10. Zhumaliev K. Great manaschys. Bishkek: Bishkek Humanities University Publ. House, 2003;186 (in Kyrgyz).
11. Margulan AKh. On the character and historical determinacy of the Kazakh epic. *News of the Kazakh branch of the USSR Academy of Sciences. Historical series*. 1946;(2):75–81 (in Russian).
12. Smirnova NS. About the Kazakh versions of “Alpamysa”. In: Silchenko MS. (ed.) *Alpamys batyr*. Alma-Ata: AN KazSSR Publ. House; 1961:429–487 (in Russian).
13. Sadykov BD. *Functions of folklore genres in the artistic composition of the “Manas” epic (koshok, kereez, arman, aklysh, kargysh – wailings, bequests, repentances, benedictions, and maledictions)*: Summary of Candidate’s dissertation (Philology). Alma-Ata: 1992:25 (in Russian).
14. Berdibay R. Epic “Alpamys Batyr” and its connection with the ethnic history of the Kazakh people. *Bulletin of the Ministry of education and science of NAS RK*. 2000;(1):37–41 (in Russian).
15. Ergun M. *The heroic epic of the Altai Turks, Ayp Manash*. Konya: Gunay Ofset; 1997:160 (in Turkish).

16. Zhirmunsky VM. *The Tale of Alpamysh and the heroic tale*. Moscow: Oriental literature Publ.; 1960:335 (in Russian).
17. Surazakov SS. *From the depths of the centuries. A collection of articles on the heroic epic of the Altaians*. Gorno-Altaysk: Altai Book Publ. House, Gorny-Altai Department; 1982:144 (in Russian).
18. Meletinsky EM. *The origin of the heroic epic: early forms and archaic monuments*. Moscow: Oriental literature Publ.; 1963:462 (in Russian).
19. Zhirmunsky VM. *Turkic heroic epic. Selected works*. Leningrad: Nauka Publ.; 1974:727 (in Russian).
20. Urmanche FI. *Turkic heroic epic*. Kazan: ILLA Publ. House; 2015:448 (in Russian).
21. Bakchiev TA. The role of mythical heroes in the formation and development of the epic hero (on the example of the epic “Manas”). In: Bichelday KA. (ed.) *Tengrianism and the epic heritage of the peoples of Eurasia: origins and modernity*: Proceedings of the 6th International scientific and practical conference, Astana, Kazakhstan, June 14–16, 2017. Astana: Publ. House LP “Master Po”; 2017:95–99 (in Russian).
22. Narynbaeva NO. Mythical patrons in the epic “Manas”. *Science and education today*. 2016;8(9):21–24 (in Russian).
23. Dabyt A. The function of mythological elements in the epic “Manas” – according to the version of the tale of Zhusup Mamai. *Science, education and culture*. 2019;5(39):30–34 (in Russian).
24. Kongyratbay TA. The ethnic nature of the Kazakh heroic epic Alpamys. *Vestnik of the North-Eastern Federal University: Eposovedenie*. 2021;1(21):14–29 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/w4013-1717-6780-j>
25. Veselovsky AN. *Historical poetics*. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1989:405 (in Russian).
26. Bakirov AA. Historical periods of Manas epic development. *Vestnik of the North-Eastern Federal University: Eposovedenie*. 2019;2(14):31–47 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/SVFU.2019.14.32178>

Об авторе

Ойноткинова Надежда Романовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири, ФГБУН «Институт филологии СО РАН», ORCID: 0000-0002-5767-7085, e-mail: sibfolklore@mail.ru.

About the author

Nadezhda R. Oinotkinova, Doctor Sci. (Philology), Chief Researcher, Sector of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-5767-7085, e-mail: sibfolklore@mail.ru.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию 29.08.2025 / Submitted 29.08.2025

Принята к публикации 10.09.2025 / Accepted 10.09.2025